

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014 г. Николай Михайлович Добрынин¹

Краткая аннотация: в статье исследуется конституционно-правовая ответственность, которая является одним из наиболее значимых и важных институтов для любой государственно-правовой модели. К сожалению, в Российской Федерации он пока не сложился в четкую, эффективно работающую систему. Действующие механизмы конституционной и политической ответственности охарактеризованы им как “фальшивые, фантомные” ответственности, подрывающие основы конституционного строя государства. Причины, правовая и политическая природа, сущность данного института, а также перспективы его становления и укрепления рассматриваются с учетом российского и международного опыта формирования конституционно-правовой ответственности.

Annotation: the author investigates constitutional responsibility in article, which become one of the most significant and important institute for any state-legal model. Unfortunately, it has not been developed in accurate, effectively working system yet in the Russian Federation. Operating regulations of the constitutional and political responsibility are characterised by author as “false, phantom”, undermining bases of the constitutional system of the country. The reasons, legal and political nature, essence of the given institute, and also prospect of its formation and strengthening are investigated taking into account Russian and international experience in formation of constitutional responsibility.

Ключевые слова: антитеза, государство, гражданин, деликт, диспозиция, конституция, латентный, легитимность, народ, население, негатив, новелла, ответственность, позитив, политика, правительство, правоотношения, президент, санкция.

Key words: antithesis, the state, the citizen, the tort, disposition, the constitution, the latent, legitimacy, the people, the population, negative, novel, responsibility, positive, policy, the government, the right, legal relations, the president, the sanction.

1. Конституционно-правовая ответственность: понятие и природа

Институт юридической ответственности является одним из наиболее важных институтов для любой государственно-правовой системы. Без ответственности нет ни полноценного государства, ни полноценного права.

Ответственность – это способ легитимации власти, обеспечение ее неразрывной связи с народом.

Но действует и “обратная связь”: каково государство, какова правовая система – таковы и формы и механизмы ответственности, применяемые в данном системном образовании. Объект управления всегда оказывает влияние на субъект управления и на методы его деятельности.

В Российской Федерации в настоящее время происходят глубинные метаморфозы власти и права. Проследим, как они отражаются на вопросах конституционно-правовой ответственности как ключевой сферы государственного строительства.

Известно, что длительное время наличие конституционной ответственности в отечественной правовой системе практически отрицалось. Считалось, что конституционное право как отрасль не предусматривает санкций, в силу чего выполнение ее предписаний в лучшем случае обеспечивается санкциями других отраслей права, а то и вовсе является вопросом сугубо политическим.

Разумеется, такой подход не мог однажды не вызвать серьезных сомнений в его правильности, “хотя бы потому, – как полагает С.А. Авакьян, – что каждая отрасль права должна обеспечивать реализацию своих норм собственными средствами, в том числе и мерами ответственности, санкциями”².

Позицию С.А. Авакьяна разделяет Н.А. Богданова: “Способность отрасли обеспечивать эффективную реализацию своих норм, охранять, защищать и восстанавливать установленный ею правопорядок является основанием самостоятельности и условием полноценности такой отрасли, подчеркивает ее способность быть действующим правом... Перефразируя слова

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук.

² Авакьян С.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001. С. 9.

С.А. Муромцева, можно сказать: *та не отрасль права, которая не может себя охранять*³. Наличие самостоятельной формы юридической ответственности – это *“решающее условие и первоначальное основание самостоятельности отрасли права., убедительное свидетельство ее полноты и внутренней завершенности”*⁴. Соответственно, Конституция как и любой правовой акт *“должна полагаться в своем действии не только на арсенал всех отраслей права, но и на собственные средства обеспечения реализации своих норм, а если надо, то и на меры ответственности”*⁵.

Однако от ответа на данный вопрос до становления и развития теории конституционной ответственности и тем более до ее практической реализации – огромная дистанция. Достаточно отметить, что конституционная ответственность не внедрена полностью в практику государственного строительства вплоть до настоящего времени.

Указанной теме посвящают свои работы многие авторы⁶, в то же время полной ясности в том, что представляет собой конституционная ответственность, пока нет. Немало противоречий и неясностей сохраняется, *во-первых*, в вопросах о субъектах и основаниях конституционной ответственности, *во-вторых*, в вопросах санкций и наличия категории вины.

Однако основной насущной проблемой конституционной ответственности по-прежнему остается ее соотношение с ответственностью политической; выявление политической составляющей в конституционной ответственности как разновидности юридической ответственности.

Юридическая ответственность – это особая форма государственной оценки

и государственного реагирования на юридически значимое поведение субъектов правоотношений, выражающаяся в применении санкций (негативная юридическая ответственность). Наказание или поощрение в идеале должно быть прямо пропорционально качеству совершенного поступка (поступков) и строго соразмерно содеянному.

Конституционная ответственность – это форма государственного реагирования на поведение субъектов конституционных правоотношений, выражающаяся в применении санкций⁷; это закрепленная конституционно-правовыми нормами обязанность субъекта конституционно-правовых отношений отвечать за несоответствие своего юридически значимого поведения тому, которое предписано ему этими нормами, обеспечиваемая возможностью применения мер государственного (или приравненного к нему) воздействия.

Конституционная ответственность как гарантия сохранения конституционного строя есть прежде всего *“ответственность власти, в том числе за состояние законности в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов и должностных лиц, и, следовательно, должна обеспечивать высокую социальную эффективность функционирования власти... Мера власти должна соотноситься с мерой ответственности”*⁸.

Возникает закономерный вопрос: где же в этой, казалось бы, стройной схеме место политической ответственности? Положениями Конституции и законов предусмотрены диспозиции и соответствующие санкции – причем здесь, собственно, политика?

Ответ на вопрос кроется в специфике самих субъектов ответственности, а именно – *государства и его должностных лиц*. Как бы мы ни приветствовали теории народного суверенитета, аксиоматика того, что государственная машина возвышается над обществом, не требует дополнительных обоснований; очевидно и то, что применение мер ответственности к данному субъекту предельно осложнено, а в нынешних современных реалиях практически невозможно; надежда на то, что государство своевременно и справедливо применит само к себе меры ответственности, на наш взгляд, пока несостоятельна.

³ Богданова Н.А. Ответственность в структуре конституционно-правового статуса субъекта конституционного права // Там же. С. 76.

⁴ Виноградов В.А. Конституционная ответственность как вид юридической ответственности // Там же. С. 92.

⁵ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 11.

⁶ См., например: Еременко Ю.П., Рудинский Ф.М. Проблемы ответственности в советском государственном праве // Труды Высшей следств. школы МВД СССР. Вып. 9. Волгоград, 1974; Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву // Правоведение. 1975. № 3; *Ее же*. Ответственность по советскому государственному праву / Науч. ред. В.С. Основин. Воронеж, 1980; Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (Государственно-правовые аспекты). Воронеж, 1985; Авакьян С.А. Санкции в советском государственном праве // Сов. гос. и право. 1975. № 10; Лущин В.О. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1; *Его же*. Конституционные деликты // Гос. и право. 2000. № 1.

⁷ Подробнее об этом см.: Добрынин Н.М. Конституционная ответственность: теория, специфика // Проблемы права. 2004. № 1. С. 79–82.

⁸ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 94, 96.

Право, как ни парадоксально, по большому счету не в состоянии ограничить власть даже частично, тем более, полностью – ее может ограничить только другая власть. Но это – уже другая тема дискуссии. Отсюда и проистекают непогрешимость политической ответственности в государственном строительстве и недоступность к ней гражданского общества – неискоренимость, которой уже не одна тысяча лет и которая возникла еще до права и независимо от права, как такового. И сколько право не пытается “идти в наступление” на политику, при наложении мер конституционно-правовой ответственности на первом плане всегда будут оставаться соображения политического характера. “*Политическая ответственность всего лишь сопровождается конституционно-правовой формой*”⁹.

2. Призрак политической ответственности на конституционно-правовом поле: *de facto* и *de jure*

Следует согласиться, однако, оценивая непредвзято динамику взаимодействия конституционной и политической ответственности, что в целом она носит поступательный характер: наблюдается общая тенденция постепенного введения политической ответственности “в лоно” правовых форм, хотя процесс этот идет крайне медленно и далеко отстает от сформированных в обществе ожиданий.

В то же время поступательное развитие при более детальном рассмотрении оказывается дискретным: в более радикальные периоды истории, полагает С.А. Авакьян, соответствующие режимы не скрывают политической направленности государственно-правовых санкций, однако же в более спокойные времена государства стараются избавиться от радикальных формулировок¹⁰.

Такая точка зрения находит отклик и у других авторов – исследователей проблем конституционной ответственности. По мнению Б.А. Страшуна, в советский период о конституционной ответственности можно было рассуждать лишь сугубо теоретически, поскольку конституционные правоотношения носили “*виртуальный, фантомный характер вследствие того, что конституционные нормы, будучи главным образом политическими декларациями, лозунгами, призывами, непосредственно не применялись ни исполнительными, ни судебными органами. Поэтому*

конституционное... право не было, строго говоря, правом”¹¹.

Считаем, что, несмотря на все попытки исследователей разграничить конституционную ответственность и ответственность политическую, сделать подобное пока не удалось.

Так, например, Н.А. Богданова полагает, что основанием ответственности государственных органов, должностных лиц выступает негативная оценка их деятельности, даваемая либо с позиции политической целесообразности, либо с позиции права: *в первом случае ответственность*, хотя она и предусмотрена правом, является политической (например, выражение недоверия правительству парламентом, отставка правительства, к которой прибегает глава государства, роспуск парламента за то, что он не смог в установленный срок сформировать правительство, и т.п.); *во втором случае ответственность* по мотиву ее наступления носит характер юридической и наступает в связи с нарушением конкретных конституционно-правовых предписаний¹².

На наш взгляд, разграничить конституционную и политическую ответственность по данным критериям не представляется возможным: в обоих случаях санкции предусмотрены правом и в значительной мере носят либо могут носить политический характер.

По мнению В.О. Лучина, разграничение конституционной и политической ответственности заключается в следующем: “*На конституционном уровне составы деликтов излагаются преимущественно в самом общем виде – как антитеза позитивным конституционным установлениям. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что только при наличии состава конституционного деликта, пусть даже в усеченном виде, лицо, его совершившее, может быть привлечено к конституционной ответственности. Если субъект не нарушал конституционных предписаний или его поведение не являлось девиантным в сфере конституционно-правовых отношений, то к нему не должна применяться конституционная ответственность. Независимо от того, был ли причинен вред, такое деяние будет оставаться в сфере политической, но не конституционной ответственности*”¹³.

¹¹ Страшун Б.А. К понятию конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. С. 72.

¹² См.: Богданова Н.А. Указ. соч. С. 78, 79.

¹³ Лучин В.О. Конституционные деликты. С. 14.

⁹ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ См.: там же.

Следует признать, однако, что и такая попытка размежевать конституционную и политическую ответственность ничего не дает — если диспозиция прописана в норме закона туманно и санкция может быть наложена по произволу того или иного лица или группы лиц (а может быть и не наложена вовсе), то четкую границу между правом и политикой провести, как представляется, невозможно.

Обращаем внимание, что сами юридические особенности конституционной ответственности (ее латентный характер и сложный состав, специфика конституционных санкций) насквозь пропитаны политическим *“духом”*. Неопределенность прав и обязанностей субъектов конституционно-правовых отношений, туманность оснований конституционной ответственности, усеченность составов конституционных деликтов подводят нас к выводу о том, что *“латентные”* обязанности могут быть сформулированы лишь путем системного толкования конституционных норм и принципов; впрочем, считаем, что и нарушаться эти *“латентные”* обязанности, к сожалению, могут даже при формальном соблюдении норм конституционного законодательства.

Нами разделяется позиция В.А. Виноградова, который совершенно обоснованно полагает, что *конституционная ответственность, безусловно, “носит ярко выраженный политический характер и по основаниям, и по кругу субъектов, и по мерам воздействия на них...”* Нельзя согласиться с подходом, что конституционная ответственность не является политической, поскольку основания ее могут лежать вне сферы политики... Ответственность, наступающая при этом, не утрачивает своего политического характера¹⁴.

Главные критерии, отличающие публично-правовую ответственность от других видов юридической ответственности, считает И.А. Умнова, заключаются в том, что, *“во-первых, в ней сочетаются политические и правовые меры ответственности и, во-вторых, субъекты ответственности несут ее перед основными источниками публичной власти — гражданами, народом, населением”*¹⁵.

По мнению Н.М. Колосовой, конституционная ответственность имеет порой ярко выраженный политический характер и тесно соприкасается с политической ответственностью. Однако сама по себе конституционная ответственность — это

все-таки разновидность юридической ответственности. *Основанием конституционной ответственности для высших должностных лиц является нарушение их конституционных обязанностей, тогда как политическая ответственность означает только то, что занимающее высшую государственную должность лицо может лишиться политической поддержки*¹⁶.

Мы не можем не признать справедливость подобных воззрений на соотношение конституционной и политической ответственности, но в то же время убеждены, что магистральное направление становления юридической ответственности лежит в плоскости целенаправленного приведения политической ответственности все же в правовое русло; нам ни на йоту не приходится сомневаться, что сама конституционная ответственность не должна деградировать, превращаясь из правового инструмента лишь в политический, что неизбежно приведет к дискредитации самого государства.

Нами подчеркивается, что вопрос о соотношении конституционной и политической ответственности и применении мер юридической ответственности за строго политические действия по-прежнему остается открытым, особенно в тех случаях, когда ответственность наступает за невиновное поведение лица либо органа (например, в случае роспуска Государственной Думы, трижды отклонившей кандидатуру Председателя Правительства РФ, внесенную Президентом РФ), либо в случае коллективной ответственности, когда санкция применяется к одному субъекту, а последствия ощущают на себе иные лица (например, в случае отмены выборов).

При этом (в чем мы не сомневаемся) и конституционная, и политическая ответственность государства и его органов перед личностью, группой лиц или даже целым народом подразумевает прежде всего ответственность властных структур перед обществом в целом за реализацию тех полномочий, которые народ как единственный носитель власти передал конкретным государственным институтам и отдельным лицам.

Государство в лице своих представителей несет ответственность за деяния любого органа публичной власти, должностного лица, совершивших нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Государство, будучи полноценным субъектом конституционного права, в своем конституционно-правовом статусе *“имеет начала*

¹⁴ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 97, 98.

¹⁵ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 220.

¹⁶ См.: Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. М., 2000. С. 21, 22.

долженствования, выливающиеся в состояние его ответственности перед народом, политической организацией которого оно является. Такая ответственность предопределена приоритетом народного суверенитета над суверенитетом государственным. По сути, речь идет о политической ответственности власти за деятельность органов, осуществляющих ее функции”¹⁷.

Убеждены, что в вопросах ответственности государства и его элементов (органов власти и должностных лиц) конституционная и политическая ответственность неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Как представляется, природа данного феномена – в особенностях конституционно-правовой ответственности государства, которые определяются прежде всего спецификой самого государства как субъекта конституционно-правовых отношений.

Государство в целом может нести только политическую ответственность, поскольку отсутствуют субъекты, которые могли бы привлечь его к ответственности юридической – даже в международно-правовом контексте, где санкции применяются к конкретным лицам, а не к государствам.

Следует согласиться с мнением Н.В. Бутусовой о том, что, несмотря на несомненную актуальность, **концепция конституционно-правовой ответственности государства перед народом, обществом и гражданином остается неразработанной в юридической науке.** Она и останется таковой в ближайшей перспективе, несмотря на положения ст. 2 и 3 Конституции РФ, согласно которым власть государства производна от власти народа, а обеспечение прав и свобод человека – важнейшее предназначение и обязанность государства. Эту норму можно действительно рассматривать в качестве “конституционно-правовой основы ответственности Российского государства”¹⁸, однако применение санкций за несоблюдение конституционных предписаний все равно будет носить политический характер.

Аналогичной точки зрения придерживаются и И.Н. Барциц, полагающий, что вопросы публично-правового (конституционного и федеративного) видов ответственности не нашли своего разрешения в отечественной теории права и государства, а их применение в отношении

Российской Федерации как единого государства и субъектов Федерации как ее составных частей практически не предусмотрено действующим законодательством¹⁹.

Отсюда следует вывод о том, что **ответственность государства и его органов является наиболее проблемной зоной не только конституционной ответственности, но и юридической ответственности вообще.** В данной сфере объем “фальшивой, фантомной” конституционной ответственности, т.е. политической ответственности, выдаваемой за конституционную, наиболее высок. Считаем, что формы, в которые эта ответственность облекается, разнообразны и имеют в своем основании различие форм правления в конкретных государствах.

3. Конституционная ответственность в свете различных форм правления

Политическая подоплека конституционной ответственности наиболее ярко проявляется в процессе взаимодействия высших органов власти – главы государства, парламента и правительства.

В историческом прошлом не существовало юридических процедур, с помощью которых можно было легитимно привлечь к ответственности главу государства – монарха за нарушение конституции. Он считался и с политической, и с правовой позиций фигурой неприкосновенной. Хотя, как представляется, теории о непогрешимости монарха и его нахождении вне всяческой ответственности далеко не всегда соответствовали реалиям (в известной мере лукавили): во все времена монархов свергали с престолов, изгоняли либо даже убивали; такая форма политической ответственности хотя и отрицалась официально, но на практике применялась. Это означало, что за свои поступки монарх может (должен) отвечать только перед Богом, от имени которого властвует. В позитивном праве не было ни процедур привлечения властителя к ответственности, ни органов, которые могли бы оценивать деяния монарха²⁰.

Концепция справедливого народного бунта, направленного против “плохого” монарха,

¹⁹ См.: Барциц И.Н. Проблемы ответственности в федеративном государстве // Там же. С. 214.

²⁰ За исключением, пожалуй, папы римского, но даже ему привлечь к ответу того или иного монарха было непросто. Подробнее об этом см.: Лавнисчак А. Ответственность главы государства в монархии и республике // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. С. 149, 150.

¹⁷ Богданова Н.А. Указ. соч. С. 79.

¹⁸ Бутусова Н.В. Проблема конституционно-правовой ответственности Российского государства // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. С. 125, 126.

появляется только у Марсилия Падуанского²¹ и не получает на тот момент особого распространения. Однако впоследствии впервые сформулированная этим автором идея общественного договора приобретает большую популярность, именно в ней закладывалось оправдание возможности наказания правителя, не выполняющего условия этого мифического договора.

Эпоха активных дискуссий о возможности лишения монархов власти и их осуждения выпадает на XVI–XVIII вв. Одним из первых примеров такого рода стала казнь Марии Стюарт, на тот момент – королевы Шотландской, на которую впоследствии ссылались как на прецедент во время казни низложенного английского короля Карла I. *Демократизация политической системы шла рука об руку с допущением возможности лишения главы государства трона и его осуждения народом – вплоть до высшей меры наказания.*

Французская Конституция 1791 г., по мнению польского исследователя А. Лавнисчака, представляла собой довольно любопытный казус: с одной стороны, она определяла личность короля неприкосновенной и святой, но, с другой – утверждалось, что в определенных случаях монарх за неисполнение своих обязанностей мог быть лишен короны; при таком стечении обстоятельств он считался отреченным от престола и возвращался в ряды обычных граждан. Статья же 8 Конституции гласила, что после полного и легального отстранения король мог быть осужден и приговорен. *“В подобном случае конституционный монарх в принципе рассматривается как президент. Охраняется его неприкосновенность, но она перестает действовать после лишения короля престола. К утрате неприкосновенности приводит результат процедуры, подобной североамериканскому импичменту”*²².

Пришедшие на смену абсолютизму конституционная монархия и парламентская республика концептуально изменили модель ответственности главы государства.

В европейских парламентских монархиях на политической арене возможность совершения

монархом ошибки была сведена к нулю институтом *контрасигнатуры*, т.е. необходимости одобрения всех важнейших действий короля министром, принимающим ответственность за них на себя. Данный институт объединил *принципы безнаказанности монарха и наказуемости органов государства перед парламентом за свои действия*. Король остается неответственным, но никогда не может действовать сам. Монарх лично не имеет возможности нарушения конституции, так как в политической системе не играет активной роли. *Rex regnat, sed non gubernat.*

В отличие от монархов, *главы государств в республиках, как правило, не обладают безоговорочным иммунитетом, охраняющим их пожизненно от несения ответственности*. Хотя даже в конституциях XX в. встречались формулировки наподобие следующей: *“Президент ответствен перед Богом и историей”* (Конституция Польши 1935 г.). Президент после отставки может отвечать перед судом как обычный гражданин, да и во время действия своих полномочий *президент подвержен импичменту* (отзыву, вотуму недоверия). Право вынесения приговора о закономерности действий президента обычно признается только за элитой нации в лице неких верховных органов; инструменты непосредственной демократии в данном вопросе используются в исключительных случаях, поскольку проблема ответственности главы государства считается слишком серьезной для вынесения ее на суд народа²³.

Таким образом, абсолютная и конституционная монархии стали прообразами механизмов ответственности высших должностных лиц и органов государственной власти для разных типов республик – парламентской и президентской.

По мнению Б.А. Страшуна, *при парламентских и смешанных формах правления политическая ответственность проявляется в характерном для этих форм институте парламентской ответственности правительства. “Основания этой ответственности часто политические, но санкция (вотум недоверия или отказ в доверии) носит юридический характер и порождает юридические последствия... Ни о каком деликте как обязательном основании ответственности здесь, разумеется, говорить не приходится”*. В монархиях и президентских республиках мы также наблюдаем политическую ответственность, но в несколько иных формах – *смещение должностных лиц, находящихся в должности до тех пор,*

²¹ Марсилиус Падуанский (между 1275 и 1280 – около 1343), итальянский политический мыслитель. Автор трактата “Защитник мира” (1324, опубликован в 1522), в котором одним из первых в Средние века выдвинул идею возникновения государства в результате общественного договора. Наилучшей формой государства считал монархию (с раздельной законодательной и исполнительной властью), государь которой ограничен учреждением сословного характера, избирается народом и может быть лишён им власти.

²² Лавнисчак А. Указ. соч. С. 150, 151.

²³ См.: там же. С. 152–155.

пока это угодно монарху или президенту. Эта форма ответственности, которая также “в качестве своего основания не требует совершения деликта и обусловлена, как правило, чисто политическими, а порой и чисто личными причинами... Словом, возможность своего рода объективного вменения можно рассматривать как одну из характерных черт конституционной ответственности”²⁴.

На основании вышеизложенного сделаем следующие предварительные выводы:

первый, в абсолютных монархиях формально-юридически отрицается ответственность главы государства, однако на практике к нему применяются меры политической ответственности; *правительство ответственно перед монархом*;

второй, в конституционных монархиях глава государства формально не подлежит ответственности; фактически он не правит; ответственность за его действия несет правительство в силу института контрасигнатуры; *правительство ответственно перед парламентом*;

третий, в парламентских республиках глава государства, он же глава правительства, несет ответственность перед парламентом и, следовательно, перед народом; *правительство также подлежит политической ответственности перед парламентом*;

четвертый, в президентских республиках глава государства подлежит юридической ответственности через крайне редко применяющийся на практике институт импичмента; фактически же он несет исключительно политическую ответственность – население может не переизбрать его на очередных выборах.

Как представляется, механизмы конституционной и политической ответственности плотно переплетены в государственной системе, образуя при каждой форме правления причудливые комбинации права и политики.

Однако, на наш взгляд, эти комбинации вполне поддаются классификации по критерию формы правления в конкретном государстве:

во-первых, отсутствие юридической ответственности главы государства и ответственность перед ним правительства характерны в первую очередь для монархических государств;

во-вторых, для республиканских форм правления характерны и конституционная ответственность главы государства, и ответственность правительства перед парламентом и народом.

4. Глава государства: ответственен перед Богом и историей?

На основе исследования российской модели ответственности государства в целом, его высших органов и должностных лиц нами подчеркивается, что в реальности *русская модель ответственности содержит в себе преобладающий политический компонент и дрейфует скорее к монархической модели ответственности государства* по своим сущностным характеристикам.

Первый, с нашей точки зрения, важный аргумент. Конституционная ответственность Президента РФ практически отсутствует – она упоминается в Конституции лишь на фоне явно отсутствующих механизмов реализации.

Ответственность президента заключается в форме его отрешения посредством процедуры, закрепленной в ст. 93 Конституции РФ; а основанием для отрешения президента могут быть государственная измена или совершение иного тяжкого преступления.

Однако сам механизм отрешения настолько сложен, что на практике, считаем, неосуществим. Ни Конституция РФ, ни федеральные законы не предусматривают ответственности президента за неисполнение им своих обязанностей либо нарушение Конституции, законов и присяги.

По нашему мнению, из указанного следует, что *Президент в России, как и монарх, практически не отрешаем ни при каких легитимных условиях*. К тому же, с четырех на шесть лет увеличен срок полномочий главы государства²⁵, что лишь дополнительно “подкрепляет” данный вывод.

Кроме того, действует Федеральный закон “О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи” от 12 февраля 2001 г.²⁶, согласно которому Президент РФ, даже прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью (ст. 3). Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий президента, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру. Неприкосновенность распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые

²⁴ Страшун Б.А. Указ. соч. С. 73, 74.

²⁵ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ “Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы” // Росс. газ. 2009. 21 янв.

²⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 617.

транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку.

Лишение Президента РФ, прекратившего исполнение полномочий, неприкосновенности возможно только в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения им тяжкого преступления, процедура которого довольно сложна (в ней задействованы Председатель Следственного комитета при Прокуратуре РФ, Государственная Дума и Совет Федерации), т.е. ответственность президента всё более напоминает ответственность монарха.

Второй убедительный аргумент. *Высшие органы власти (Правительство РФ, высшие должностные лица субъектов Федерации) являются субъектами конституционной ответственности, однако она прописана таким образом, что указанные органы фактически подотчетны только Президенту РФ (и в какой-то мере так называемой “партии власти”).*

Ответственность Правительства РФ состоит в возможности его отставки. В то же время ни Конституция РФ, ни Федеральный конституционный закон “О Правительстве Российской Федерации” не содержат четких критериев, позволяющих Государственной Думе выразить недоверие Правительству РФ.

Более того, Государственная Дума, требуя отставки правительства, сама рискует быть распущенной президентом.

Парадоксально, но факт: *Государственная Дума может быть “наказана” за неудовлетворительную работу органа власти, который не ею сформирован и не ей подотчетен (!).*

Роспуск Государственной Думы осуществляется по основаниям, не относящимся к качеству ее работы, что нельзя квалифицировать иначе, как *политическую ответственность палаты Федерального Собрания.*

На наш взгляд, И.А. Кравец совершенно справедливо отметил, что отличие российской модели конституционализма начала XX в. от европейской в том, что было отрицание в ней вообще всякой ответственности министров перед законодательными органами²⁷.

Сегодня, в XXI в., как и столетие назад, *Правительство РФ практически не ответственно перед Федеральным Собранием.* В Конституции принцип ответственности правительства перед

парламентом носит во многом условный характер и поставлен в зависимость от усмотрения президента.

Мы разделяем позицию И.А. Кравца, который так описывает конституционные реалии России начала XX в.: *“Государственный режим сохраняет черты дуалистической системы, хотя конституционная регламентация права Государственной думы выражать недоверие правительству означает возникновение первых элементов парламентаризма”.* Эти реалии практически ничем не отличаются от современных: *“доминирование главы государства, который не включен в структуру исполнительной власти, но наделен широким перечнем характерных для нее полномочий, свидетельствует о преемственности неизжитой традиции сильной монархической власти в истории России”*²⁸.

Третий весомый аргумент. *Президент РФ, высшие органы власти и должностные лица являются субъектами в основном политической ответственности, однако легальная сфера данной разновидности ответственности имеет явную тенденцию к сужению.*

В последние годы в законодательство о выборах и референдумах, проведении массовых мероприятий внесены существенные изменения, значительно сузившие возможности населения по выражению своей политической воли в рамках действующего законодательства. Социально-политический протест, как представляется, сознательно маргинализируется и вытесняется на улицу.

В результате, на наш взгляд, *в современной России налицо тип ответственности государства, его органов и должностных лиц, характерный для переходных монархических форм правления.*

Многие исследователи находили немало сходств между российской формой правления и дуалистической монархией – промежуточной формой правления от абсолютной к конституционной монархии, при которой монарх назначает главу правительства и министров, ответственных перед ним, а не перед парламентом; парламент при этом наделен законодательной властью, а монарх сохраняет право на его роспуск. *“В России в период преобразований возник переходный от абсолютизма к конституционализму тип государственности, который... может быть охарактеризован как сегментарный.* В такой форме государства сосуществуют конституционные и традиционные институты власти, между которыми разделены функции и роли по управлению

²⁷ См.: Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М.; Новосибирск, 2000. С. 318–328.

²⁸ Там же. С. 345, 346.

обществом. При этом нормами права и конституцией закреплён значительный перевес за исполнительной властью и главой государства”²⁹.

Основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм ввел в научный обиход термин “аномия”, который означает демонстративный отказ участников правоотношений от исполнения требований юридической или социальной нормы.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением И.Н. Барцица о том, что данный термин как нельзя лучше характеризует ситуацию, сложившуюся в России, одной из основных проблем современного государственного развития которой является в первую очередь **неисполнение законов самим государством и его составными частями**.

Действительно, Конституция РФ 1993 г. не использует понятия “ответственность”, за исключением содержащегося в преамбуле положения об **“ответственности многонационального народа за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями”** (!?) Российское правоведение не содержит как универсального понятия юридической ответственности, так и общепризнанной классификации ее видов³⁰.

Правовые механизмы поддержания исполнительной дисциплины на разных “этажах” власти, соблюдения правовой иерархии в условиях, когда конституционно-правовой процесс и конституционно-правовые санкции подменяются партийным процессом и партийными санкциями, не получают адекватного разрешения.

Здесь нельзя не вспомнить советский опыт конституционной, а по сути, “фальшивой, фантомной” конституционной ответственности, в действительности являющейся разновидностью ответственности политической, которая не смогла предотвратить коллапс советской государственности и одномоментного краха, казалось бы, самой могучей державы мира. “Партийно-государственная вертикаль, оперируя не столько правовыми, сколько внеправовыми инструментами, обеспечивала единство конституционно-правового пространства страны”³¹.

Тем же странам, которые не предусматривают существование партийно-властной вертикали как стержня, обеспечивающего устойчивость всей государственно-политической системы, приходится налаживать иные механизмы правового воздействия на нарушителей норм права – так

и появляются разработанные концепции конституционной ответственности.

Однако российский опыт “фальшивой, фантомной” конституционной ответственности не уникален.

Крупнейшие государства постсоветского пространства, бывшие республики в составе Союза ССР – Белоруссия и Казахстан, как и множество других стран (в первую очередь “третьего мира”), оперируют относительно схожими механизмами квазиответственности государства.

Представляется полезным для понимания сравнительный анализ конституций России, Белоруссии и Казахстана, который проводит Л.Т. Кривенко; на основании данного анализа стали возможны следующие важные выводы³²:

первый вывод, конституции России (ст. 80), Белоруссии (ст. 79) и Казахстана (ст. 40) закрепляют, что *президенты – это гаранты конституций*;

второй вывод, конституции России (ст. 93), Белоруссии (ст. 88) и Казахстана (ст. 47) предусматривают импичмент только в случае совершения государственной измены или иных тяжких преступлений.

Все варианты объединяет общая черта – *отсутствие применительно к субъектам конституционной ответственности, определенным основными законами как гаранты конституций, соответствующего основания импичмента, каким должно быть нарушение конституций*, в то время как оно органично связано с конституционным статусом президентов и логически вытекает из него;

третий вывод, обязанность (клятва) соблюдать Основной Закон закреплена в конституциях России (ст. 82), Белоруссии (ст. 99) и Казахстана (ст. 42).

Это необходимое слагаемое содержания президентской присяги; ей должна корреспондировать конституционная ответственность за ее нарушение в форме импичмента. *Однако такой ответственности в России и указанных государствах не предусмотрено*;

четвертый вывод, конституции России (1993 г.), Белоруссии (1996 г.) и Казахстана (1995 г.) *разрабатывались исполнительной властью и принимались на референдумах*. Основные законы, которые предшествовали действующим конституциям, закрепляли четко и определенно:

²⁹ Там же. С. 314, 339.

³⁰ См.: Барциц И.Н. Указ. соч. С. 214.

³¹ Там же. С. 216, 217.

³² См.: Кривенко Л.Т. Проблемы соотношения конституционного процесса и конституционной ответственности президента // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. С. 397–399.

нарушение президентом конституции влечет конституционную ответственность в форме импичмента.

Есть ли объяснение тому, что указанное обстоятельство, а также несоблюдение законов и присяги действующие конституции не включают в перечень оснований отрешения глав государств от должности? — задается вопросом Л.Т. Кривенко и сама же находит ответ: «По своему характеру рассматриваемую эволюцию демократической не назовешь. Это шаг назад. В комплексе с другими “нововведениями” подобного рода отказ от указанных оснований импичмента отражает и закрепляет конституционно сложившуюся тенденцию возвышения института президентства за счет снижения места и роли в этой системе парламента. Мощным орудием оформления и закрепления этой отрицательной тенденции на конституционном уровне... является антипарламентский способ подготовки и принятия действующих основных законов»³³.

Таким образом, и исторический, и сравнительный методы исследования конституционной ответственности в России приводят нас к важному выводу: **в стране применяются механизмы ответственности, характерные для монархических либо переходных форм правления при юридическом закреплении в ст. 1 Конституции РФ республиканского характера порядка осуществления власти.**

Российскую модель президентской республики часто называют суперпрезидентской и сравнивают с французской. Некоторое сходство действительно имеется, в том числе в вопросах ответственности главы государства.

Французские исследователи часто указывают на то, что президент Республики несет политическую ответственность непосредственно перед народом и основной формой ее реализации являются президентские выборы. По Конституции президент Франции также ответствен только в случае государственной измены, причем данное положение ни разу не применялось на практике. Это — так называемая “спящая” норма.

Неудивительно, что Пятая республика характеризуется французскими авторами, в частности М. Дюверже, как “республиканская монархия”³⁴. Выходит, что сами французы довольно критично оценивают собственную форму правления

и корреспондирующую ей модель конституционной ответственности.

Аналогично многие американские авторы в последнее время пишут о том, что импичмент в США также превратился более в политический инструмент, нежели в правовой, и предана забвению благородная цель этой процедуры — *защитить общество от произвола и сохранить конституционную систему*³⁵; фактически не народ, а политические, в первую очередь партийные, элиты проверяют обоснованность занятия высшей государственной должности президентом³⁶.

У французов и американцев хватило здравого смысла не отрицать подобные очевидные факты. Что же мешает сделать это в России?

5. Судьбы конституционно-правовой ответственности в России

К сожалению, приходится констатировать, что институт конституционной ответственности государства, органов власти и должностных лиц (особенно высшего эшелона) в России не сложился в четкую, эффективно работающую систему. Сама власть смотрит на государственные органы как на элемент в первую очередь политической системы. Нет ничего удивительного в том, что и деятельность их она стремится оценивать с точки зрения совместимости с текущим политическим курсом. “То, что орган власти является еще и элементом правовой системы, который обязан функционировать по ее правилам, — этот момент оказался на периферии внимания и законодателей, и руководства страны. Политика в очередной раз взяла верх над правом”³⁷.

Следствием стала недостаточная проработанность конституционно-правовой базы ответственности органов государственной власти. Нормы, регулирующие вопросы ответственности, пробельны, расплывчаты, трудно реализуемы на практике либо нереализуемы вообще, особенно в части, касающейся высшего звена госаппарата (Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание, высшие судебные органы³⁸). Наблюдается явная *асимметричность при*

³³ Там же. С. 399.

³⁴ Подробнее об этом см.: Кененова И.П. Некоторые проблемы ответственности президента в сравнительно-правовом аспекте // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. С. 470, 471.

³⁵ См.: Осаке К. Суть американского права импичмента: процессуальный ориентир // Науч. труды “Эдилет”. 1999. № 2. С. 49.

³⁶ Подробнее об этом см.: Кененова И.П. Указ. соч. С. 472, 473.

³⁷ Кадохов В.Т. Материалы “круглого стола” “Формы и механизмы ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления: перспективы законодательного обеспечения” // Аналитический вестник Совета Федерации. 2003. № 17 (210). С. 7, 8.

³⁸ Хотя примеры того, как политическая ответственность применялась к судьям Конституционного Суда РФ, новейшая история России уже знает.

применении санкций к разным уровням власти: жесткие санкции действуют на низших уровнях власти, но чем выше, тем применение санкций становится все более и более проблематичным.

В современной России, как и много лет назад, *политические инструменты есть главные инструменты ответственности*. Степень ответственности государства и его органов за несоблюдение Конституции страны и законодательства по-прежнему крайне низкая; не разграничена в полной мере компетенция между органами и уровнями власти, не осуществлено ее ресурсное обеспечение, что зачастую приводит к невозможности определить ответственных за социально-экономическое развитие России. *Проблематично и установление причинно-следственной связи между деянием органа публичной власти, должностного лица и наступившими негативными последствиями для социума*. Определение степени ответственности, например, Правительства РФ за результаты социально-экономической политики в стране затруднено сложной сетью причинно-следственных связей, что сказывается на эффективности применения мер ответственности.

Обращает на себя внимание и *сужение легального спектра политической ответственности*. Данная разновидность ответственности применялась как в рамках правового поля, так и вне его. Отечественная история дает нам немало примеров использования различных механизмов привлечения лиц, обладающих властными полномочиями, к политической ответственности: изгнание князей, установление прерогатив монарха, бунты, террор, сепаратизм и др. Некоторые из этих способов привлечения государства к политической ответственности, увы, вполне реальны и сегодня – в отсутствие нормально функционирующих институтов юридической и политической ответственности.

Политическая ответственность, по мнению Н.М. Колосовой, – это ответственность власти перед обществом за выполнение принятых на себя обязательств, обещаний и программ; это эффективное руководство страной, обеспечивающее ее движение вперед в экономике, духовно-нравственной, социальной и иных сферах; это реализация на деле провозглашенных целей; постоянный отчет за дела; реагирование на проблемы сограждан, общение с ними, признание своих ошибок и их активное исправление.

Политическая ответственность – это ответственность за надлежащую реализацию тех властных полномочий, которые те или иные структуры получили от народа как единственного источника власти. Мерой политической ответственности

будет отстранение от власти лиц, не должным образом осуществлявших свои публичные функции³⁹.

Однако привлечение к ответственности должностных лиц в обществах с несовершенной формой демократии довольно проблематично. Ответственность власти здесь выступает скорее как средство борьбы за власть. *“Приписываемая государству и его органам фальшивая конституционная ответственность выступает как неременная составляющая современного государства”*⁴⁰. К сожалению, подобная ситуация характерна для России, причем указанные особенности института ответственности государства имеют уже хронический характер. Несмотря на все попытки ввести политическую ответственность в правовое русло, система власти в стране традиционно характеризуется политическим произволом; правовое государство и общественное благо вторичны по отношению к стремлению удержать власть и распоряжаться богатством. Вопросы конституционной ответственности по-прежнему не получили надлежащего законодательного закрепления, что, в свою очередь, создало и сохраняет условия для произвольного применения мер политического воздействия на должностных лиц.

Власть не несет ответственности за аморальные действия, властные решения, причинившие вред обществу, по мнению Н.М. Колосовой, *расшатывают конституционный строй России, способствуют ослаблению самой власти*⁴¹, с чем трудно не согласиться.

Закономерно в связи с этим появление точки зрения на конституционную ответственность как на *“сугубо доктринальную конструкцию”*, выступающую не иначе, как только в качестве *“ощущения гражданского самодовольствия”*⁴². Считаю, не стоит вдаваться в детали столь явного правового пессимизма, связанного с отрицанием конституционной ответственности, как таковой; полагаю важным изложить свое видение и сформулировать основные направления становления института конституционной ответственности в России.

При этом разделяем позицию И.Н. Барцица относительно того, что юридическое толкование политических моментов ответственности заключается не в том, чтобы, используя категории, свойственные правоведению, придавать

³⁹ См.: Колосова Н.М. Указ. соч. С. 16, 19.

⁴⁰ Белкин А.А., Бурмистров А.С. Конституционная ответственность: доктринальные проблемы // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. С. 101, 102.

⁴¹ См.: Колосова Н.М. Указ. соч. С. 20.

⁴² Белкин А.А., Бурмистров А.С. Указ. соч. С. 102.

политической целесообразности законный характер; предназначение правовой науки состоит в раскрытии механизмов реализации форм ответственности, определении критериев допустимости использования политических моментов в процессе выработки, использования правовых норм и применения санкций за их несоблюдение⁴³.

Основные направления становления института конституционной ответственности, как представляется, могут заключаться в следующем.

Первое. *Создание условий, обеспечивающих неотвратимость меры конституционной ответственности за нарушение норм права; следует всячески расширить сферу конституционной ответственности и более подробно прописать составы конституционно-правовых деликтов и санкции за их совершение.* «Должны быть кардинально пересмотрены устанавливаемые конституциями правила властвования, причем пересмотрены таким образом, чтобы любые “антитезы” не оставались предметом сугубо политических комбинаций»⁴⁴.

Второе. *Разработка и принятие пакета законов, комплексно регулирующих вопросы конституционной ответственности;* в первую очередь это – федеральный конституционный закон “О конституционной ответственности в Российской Федерации”, а также федеральные конституционные законы о Президенте РФ, Федеральном Собрании, системе органов исполнительной власти; кроме того, внесение изменений в Федеральный конституционный закон “О Правительстве Российской Федерации”.

Третье. Развитие современной России непременно в направлении *правового оформления института конституционной ответственности Правительства РФ и его членов перед Федеральным Собранием* в целях расширения средств и методов парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти.

Четвертое. *Совершенствование избирательных механизмов для наиболее полного отражения всего спектра общественных интересов и предоставления избирателям всяческой возможности применения мер политической ответственности к государству, его органам и должностным лицам в ходе выборов; перечень выборных должностей следует не сужать, а напротив, расширить; противоестественно, что население может применить меры политической ответственности к руководству страны один раз в четыре года (ныне – шесть*

лет), да и то чисто условно; требуется также модернизация института всенародного голосования.

Пятое. Неотложным стало обеспечение “сквозного” характера конституционной ответственности на всех уровнях власти, ее адекватности, начиная с главы государства и заканчивая руководителями органов местного самоуправления; вряд ли допустимо, что нижние уровни власти (субъекты Федерации и муниципалитеты) несут повышенную ответственность за свои действия (бездействие), в то время как федеральные органы власти привлечь к ответственности крайне сложно и, пожалуй, даже невозможно.

Шестое. Назрела необходимость *гарантировать народу легальные политические средства воздействия на власть;* к ним относятся различные формы прямой демократии, в том числе массового протеста против политики, не соответствующей воле и интересам народа либо его части. В научной литературе встречается мнение о том, что гл. 1 Конституции РФ целесообразно дополнить положением о праве и обязанности народа противостоять нарушениям основ конституционного строя России⁴⁵.

В этой связи следует обратить внимание на следующее.

В конституциях и законодательстве многих стран такие меры предусматриваются; именно на признании права народа на сопротивление угнетению базируется Декларация независимости США от 4 июля 1776 г.⁴⁶, а следом за ней – вся американская государственность.

Среди претензий, которые предъявили английскому королю колонии, получившие независимость, значились актуальные и для современного периода:

первое, отказ давать свое согласие на принятие законов, “в высшей степени полезных и необходимых для общего блага”;

второе, запрет (его можно толковать и как не-создание должных условий) губернаторам проводить неотложные и чрезвычайно важные законы;

третье, создание препятствий формированию и деятельности законодательных органов, действительно представляющих интересы населения;

четвертое, препятствия для осуществления правосудия, отказ давать согласие на принятие законов об организации судебной власти;

⁴⁵ Такая точка зрения изложена в: Бутусова Н.В. Указ. соч. С. 129–131.

⁴⁶ См.: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А. Жидкова; пер. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 25–28.

⁴³ См.: Барциц И.Н. Указ. соч. С. 216.

⁴⁴ Белкин А.А., Бурмистров А.С. Указ. соч. С. 101, 102.

пятое, постановка судей в исключительную зависимость от своей воли “путем определения сроков их пребывания в должности, а также размера и выплат им жалования”;

шестое, создание множества новых должностей, направление на места “сонмища чиновников”, чтобы “притеснять народ и лишать его средств к существованию”;

седьмое, присвоение себе полномочий законодательствовать и др.

Подобные нормы о праве народа на сопротивление власти присутствуют в конституциях таких европейских стран, как ФРГ, Венгрия, Словакия. Даже в новейших конституциях ряда африканских государств, где уровень правовой и политической культуры населения еще очень низок, встречаются положения о возможности народа сопротивляться мирными средствами (например, путем кампании гражданского неповиновения) действиям и решениям государственной власти, противоречащим интересам народа⁴⁷.

Разумеется, механизм реализации ответственности государства перед народом путем реализации его права на сопротивление весьма сложен. В качестве форм такого сопротивления в научной литературе рассматриваются вытекающие из возможных вариантов осуществления конституционных прав гражданина способы его поведения, отражающие отношение к власти⁴⁸: акции протеста, мирные демонстрации, шествия, пикеты, митинги, проводимые по правилам, предусмотренным правовыми актами (только эти правила должны быть реализуемыми на практике изначально; процедура в данном случае не должна отменять право), неучастие в выборах, голосование против всех, порча или вынос бюллетеней и проч.

В то же время неблагоприятные последствия таких защитных мер наступают не только для государства, но и для самого народа. Для исключения подобных проявлений следует обеспечить ежедневную бесперебойную работу механизмов конституционной и политической ответственности, не доводя народный гнев до “точки кипения”. Ситуация, когда народ использует своё, в общем-то неотчуждаемое право на сопротивление власти⁴⁹ – это крайняя мера, к тому же чреватая

разрушительными социальными потрясениями, которыми так богата история нашей страны.

Представляется, задача власти – *своевременное выявление и преодоление проблем, ведущих к такой постановке вопроса об ответственности, еще на стадии их зарождения*.

И все-таки, полагаем, что наилучший способ борьбы с безответственностью субъектов конституционных правоотношений, “фальшивой” конституционной ответственностью – это не “великие потрясения”, а эволюционный путь развития, *путь воспитания правовой и гражданской культуры как народа в целом, так и его представителей, которые кроме того являются еще и представителями власти*.

Всецело разделяем мнение великого русского мыслителя И.А. Ильина о том, что “*воспитание характера... является национальной проблемой России. Удастся русскому такой характер – он становится поистине великаном... тогда эти величие и глубина смыкаются в единой духовной ценности, а неустойчивые, сомневающиеся, заурядные натуры преклоняются перед таким человеком. Именно здесь истинный ключ к пониманию политической истории России*”⁵⁰.

Возникает оправданный вопрос о возможности четкого размежевания мер конституционной (реализация народом права на сопротивление угнетению) и политической (свержение существующего конституционного строя) ответственности. Вывод: да, возможно, но только до определенной степени, поскольку такая оценка всегда будет производиться под знаком политической целесообразности.

Отсюда проистекает вывод о том, насколько же “подвижно” соотношение конституционного и политического аспектов ответственности государства перед народом в зависимости от конкретных обстоятельств.

Думается, заинтересованный читатель согласится с нами, что сомнений в необходимости урегулировать это соотношение нормами права не должно быть. Уверены, что только в таком случае *принятие необходимых политических решений будет опираться на прочный правовой фундамент*.

⁴⁷ См.: Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Гос. и право. 2000. № 6. С. 9.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Богданова Н.А. Указ. соч. С. 79.

⁴⁹ Необходимо отметить, что существующая конституционная система хотя и не прописывает такого права, отчасти подразумевает его, поскольку действующая Конституция

принималась в 1993 г. вместе со сломом предыдущих основ конституционного строя путем референдума, подразумевавшего, что именно в нем проявляется воля народа.

⁵⁰ Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007. С. 36–39.